

Лариса Порхун

Зелёный мёд

16+

Лариса Порхун

Зелёный мёд

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Порхун Л.

Зелёный мёд / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодая женщина Марина идёт по жизни легко, изящно и красиво. У неё всё получается, ей всё удаётся... Или всё-таки нет?

Лариса Порхун Зелёный мёд

1

За всю церемонию похорон Марина не заплакала ни разу. Более того, даже когда гроб с телом её мужа Сергея (а вернее с тем, что от него осталось) опускали в яму, и несколько женщин разом заголосило, то даже тогда она, правда, вздрогнув, но с невозмутимым лицом, лишь плотнее закуталась в роскошный дорогой палантин чудесного фиолетового оттенка. Светка, повернувшись ко мне и возмущенно зашептала:

– Ну что за стерва бессовестная!? – Нет, ты подумай, а!? Хоть бы слезинку выдавила! Чужие люди и то больше переживают! И не родственники, заметь, но в знак уважения пришли в трауре. А эта, расфуфыренная стоит, и хоть бы что! Даже этот черный платок соседка, тетя Люся в последний момент её заставила, чуть не силком, надеть. Жена, называется...

При всех своих несомненных достоинствах, Светка болтлива до чрезвычайности. Зачастую до неприличия и абсурда. Дело в том, что любая мысль, простое наблюдение, и вообще самая разная информация, не имеют не единого шанса остаться в неприкосновенных границах её внутреннего мира. Для Светки это физически невозможно. Это угрожало бы её целостности, как личности и человеческой единицы. В прямом смысле. Да, собственно, и в переносном тоже. И если её вовремя не остановить, сама она с наплывом распирающей её вдоль и поперек словесной лавины не управится ни за что. Поэтому я очень выразительно на неё глянула. И вдобавок упреждающе дернула плечом. Дескать, и без тебя все понятно. У других тоже глаза имеются. Тем более, что упомянутая тетя Люся внимательно прислушивалась к её громкому шепоту и даже слегка кивала.

Боря стоял рядом с Мариной и слегка придерживал её за локоть. Хотя это ещё вопрос кто из них больше нуждался в поддержке. Щуплый, невысокий Борька с покрасневшими, слезящимися глазами, одетый в легкую куртку, с выражением отчаяния на лице или бледная, но спокойная и неизменно прекрасная Марина в вишневом длинном пальто и чудесной накидке, так гармонизировавшей с лазурным взглядом её печальных глаз.

Марина была на добрых полголовы выше Бори. Сейчас он иногда с тревогой пытался заглянуть ей в лицо. Хотя с этой точки обзора ему была видна лишь нижняя часть её изящного профиля да несколько длинных жемчужных прядей, выбившихся из черной гипюровой косынки.

То, что Боря любил Марину, становилось ясно с первого взгляда. Ну, для некоторых, может быть и со второго. Это, уж чтобы убедиться окончательно. Как правило, большего времени не требовалось совершенно, даже для людей малознакомых, и тех, кто имел весьма туманные представления о романтических отношениях. Что уж говорить о нас со Светкой, на чьих глазах большая часть всей этой истории и происходила.

Борька влюбился в Марину сразу. В ту же секунду, когда увидел: мгновенно и окончательно. Это произошло в четвертом классе, где она начала учиться после того, как в их небольшой и тихий городок каким-то шальным, пьяным ветром занесло её беременную мать с двумя детьми. Юлька родилась уже здесь. Марина и брат Эдик ходили в школу. Эдик был младше её на год.

Марина приняла Борькину любовь с достоинством королевы: спокойно и равнодушно. С видом человека, который пришёл в этот мир, чтобы принимать любовь и поклонение. Как будто, так и должно быть. И в этом, надо сказать, была своя мудрость. Так как в этой полудеревенской школе крошечного, серого городка, прелестная девочка Марина с ямочками на щеках, льняными волосами и глазами цвета ясного июньского неба произвела весьма ощути-

мый фурор. Проще говоря, у тощего, очкастого Борьки Либермана, кроме того, что он учился с ней в одном классе, не было больше ни одного козыря. Ну, ни единого, просто-напросто, шанса. И лучше всех это понимал, конечно, сам Борис. Он вообще был парень сообразительный. Положение обязывало, мама – зам. директора в музыкальной школе, отец – главврач районной больницы. Вместе с общеобразовательной мальчик, понятно, учится и в музыкальной школе. Это уж как водится. Национальность опять же, хоть это уже такая тема избитая, что даже неинтересно вообще. Словом, Боря понял, что единственный вариант быть рядом с Мариной, это постараться стать нужным. В идеале – самым необходимым. И он постарался. И даже стал. Отличным другом, незаменимым помощником, благодарным слушателем и восхищенным зрителем. Хотя возможно, это было и не совсем то, о чем он мечтал. И даже наверняка. Но тут уж ничего не поделаешь. Пришлось довольствоваться тем, что есть. К чести Марины надо сказать, что она к этой безусловной любви относилась вполне серьезно и даже с некоторым уважением. Она с милосердием и снисхождением её принимала. Как будто готовилась к этому много лет. Марина пресекала любые насмешки над Борисом. И сама над его чувством никогда не подшучивала. В этом смысле Марина рассмеялась только однажды. Когда им было по двадцать, и Борис сделал ей предложение. Она тогда звонко расхохоталась и нежно поцеловала его в макушку. Больше к этой теме они не возвращались.

После школы Боре прямая дорога была в медицинский. Там все ещё помнили его отца, который несколько лет заведовал кафедрой, прежде чем его направили руководить больницей в их городке. Кроме того, Боре с его серебряной медалью нужно было бы сдать всего лишь один экзамен. В аттестате у него стыдливо укрывалась позорная и совершенно дурацкая «четверка» по физкультуре. Боря ненавидел этот предмет. Он панически боялся мяча, физически страдал на построении, вжимался в угол в раздевалке и презирал учителя, недалекого хабалистого молодца.

Боря хотел быть там, где была Марина. Скорее всего, это даже был не его выбор. Он просто не мог долго и безболезненно существовать без неё. У него начинало болеть сердце. Вначале оно ныло и подсасывало, а затем Борьке становилось трудно дышать. Марина была ему необходима, как воздух. Но она и медицинский институт, были вещи абсолютно несовместимые. Здесь даже Боря не смог бы ничем помочь. Марина и школу-то закончила с грехом пополам да Борькиной вездесущей помощью. Поэтому семнадцатилетняя Марина огляделась по сторонам: туда не сдаст, там математика, там конкурс большой, а туда и сама не пойдет... И вскоре после недолгих раздумий, подала документы в Институт культуры. На факультет культурологии. Боря вздохнул и отнес свои туда же. Но только на исполнительский факультет, как никак два музыкальных инструмента в активе у человека.

В середине девяностых Борины родители стали готовить документы для переезда в Израиль. Вот тогда в приступе какой-то отчаянной и безумной надежды он и предложил Марине руку и сердце. В его ушах все ещё звучал её многоступенчатый хохот, когда он сообщил родителям, что никуда не поедет. Его сестра Римма, высокая и тучная, беспомощно переводила взгляд с отца на мать, а потом снова на брата. Римма была старше Бори на десять лет и страдала от астмы. Он погладил её по руке и, выходя из комнаты, добавил:

– Я вас очень люблю, но не поеду... Простите... Но я просто не могу...

Конечно, это должно было случиться. Однажды Марина встретила Сергея. Это было неизбежно. Как встреча отважного Грэя и нежной Ассоль, Тристана и Изольды, леди Гамильтон и адмирала Нельсона. Это была встреча принцессы и рыцаря, витязя с его любимой, героя с красавицей. Сергей был молод, хорош собой, обаятелен и напорист. И профессию имел самую, что ни на есть героическую. Он был военный. В 24 года уже капитан, нес службу в спецподразделении войсковой разведки. Любовь распустила над ними радужный шатер и закружила в волшебном танце под сладостные и утоляющие душу и тело мелодии золотой осени. На свадьбе ни я, ни Светка не были. Мы тогда ещё не знали друг друга. Но я помню свадебную фото-

графию: красивая пара, какие-то родственники и рядом с ослепительной невестой, – забавный невысокий парнишка со смешным чубом и удивленным взглядом совершенно круглых глаз. – Борька, – тихо и ласково сказала тогда Марина, – Свидетелем был у нас.

Так случилось, что мы, – я, Светка и Марина, – примерно в одно и то же время стали жить в многоквартирном «военном», как его называли, доме. Я вернулась к родителям и приходила в себя, чуть ли не в буквальном смысле, зализывая раны после весьма тяжелого развода. Светка переехала в этот дом после окончания университета, когда её отцу, военному пенсионеру, как и моему, дали там квартиру. Через некоторое время новоселье там справляли и Марина с Сергеем.

Я хорошо помню, когда впервые их увидела. Мы со Светкой встретились у нашего подъезда и разговорились, так как до этого успели познакомиться. В этот момент из соседнего подъезда вышел мужчина в военной форме и удивительной, какой-то нездешней красоты девушка. Это длилось всего несколько секунд, они сели в машину и уехали. Но я запомнила чудесные, оттенка слоновой кости длинные волосы, невероятной расцветки облегающее платье и стройную, точеную фигурку молодой женщины. А ещё взгляд мужчины на неё, долгий и нежный, исполненный такой любовной неги, страсти и чего-то ещё, непередаваемого, неуловимого, но отчаянно знакомого, что мне стало неловко, и я опустила глаза. Даже если бы в этот момент возле дома было в пятнадцать раз больше людей, чем было на самом деле, все равно они не остались бы незамеченными. Я, видимо, была под сильным впечатлением, потому что не сразу услышала, как Светка говорит:

– Это Маринка с Сергеем, год, как поженились и недавно получили квартиру в этом доме, – Светка перевела дух и закончила, – Маринка – классная! Я тебя обязательно познакомлю. Они вообще отличные ребята, посидим как-нибудь.

2

У Марины была универсальная внешность. И она весьма успешно использовала это замечательное качество. В том смысле, что легко меняла свой образ, в зависимости от обстоятельств. Нет, она не была наделена от природы очень яркими и выразительными чертами, как какая-нибудь южная амазонка. Но она запросто могла ею стать. В отличие, например, от той же горячей красотицы в модном бикини, которая никогда не сможет быть даже отдаленно похожей на Марину, хоть она тресни. Она будет всегда одинаковой. Красивой, яркой, обольстительной, но... одной и той же. Со своими блестящими глазами, пышными волосами и силиконовой грудью. А Марина не такая, она всегда разная. Она может быть роковой красавицей, пожалуйста, сколько угодно. А может быть нежной и трогательной пастушкой с веснушками на носу. Если будет нужно, то Марина станет бизнес-леди. Я сама была не раз свидетельницей подобной метаморфозы. Причем дело не только в исключительном внешнем перевоплощении. Это была бы жалкая подделка и дешевка, на которую Марина никогда бы не пошла. Нет, она менялась кардинально. Она начинала двигаться, говорить и поступать соответственно с образом. Она погружалась и жила в нем. Думаю, она была прирожденной актрисой. Вне всякого сомнения. Плюс отличный вкус, чувство стиля и мозги. Редкое сочетание, практически уникальное.

Первое сильное чувство, которое Марина помнит из своего детства это презрение к матери. Марине иногда казалось, что она родилась с ним. Ей так знакомо это постепенно нарастающее глухое раздражение по поводу слов, действий и поступков матери. У Марины даже не получалось её ненавидеть. Для этого мать представлялась слишком жалкой и ничтожной. А ненависть сильное чувство. И очень энергозатратное. Мать его не заслуживала. Можно ненавидеть врага, но все же уважать за определенные качества его личности. Мать уважать было не за что. Так считала Марина, уже лет с девяти. Как это можно, не укладывалось у неё в голове, родить троих детей, неизвестно от кого, и остаться у разбитого корыта. Последний её гражданский муж, от которого мать родила Юльку, так ловко все обтяпал, что она и не заметила, как

на шестом месяце беременности, с двумя детьми в придачу, оказалась в этой глухой дыре в покосившейся мазанке. Вдобавок, мать крепко закладывала, в подпитии становилась ужасно навязчивой, плаксивой и выглядела ещё глупее, чем обычно.

Второе сильное чувство, с которым Марина росла – отвращение ко всей их семейной обстановке в частности, и к бедности вообще. Оно сформировало вполне определенную цель, – как можно быстрее покинуть родительский дом. Эта цель помогала ей жить, и отчасти выжить. Когда она её осуществила в семнадцать лет, поступив в институт, тут же появилась другая, – сделать все, что только можно, чтобы её жизнь ни в малейшей степени не напоминала жизнь матери. Было немного жаль брата и сестренку, но что с этим могла поделаться семнадцатилетняя Марина, которая сама жила в общежитии. Она пообещала себе, что непременно позаботится о них, как только встанет на ноги. И прежде, чем выйти за Сергея, она взяла с него слово, что он не будет ей препятствовать в этом. Даже если это будет неудобно, трудно и хлопотно. И Сергей обещал ей поддержку. И не только в этом, но во всем остальном и всегда. Он и не на такое бы пошел ради своей Марины. Конечно, он ведь любил её. Но, кроме того, он ещё был и просто очень хороший мужик, этот Сергей. Это было видно сразу. Открытый, честный, добрый и веселый. Его любили. Соседи, обращаясь за помощью, называли не иначе, как «Серезенька». Солдаты его роты обожали своего командира. Служивцы уважали и ценили. Серега был душой любой компании. А он, оставаясь все тем же простым, искренним и обаятельным рубахой-парнем, любил одну Марину. Любовь так озаряла его жизнь, что даже немного ослепляла. Он прекрасно видел далеко-далеко простирающийся, освещенный любовью свой жизненный путь вдвоём с Мариной, но не замечал иногда того, что находилось прямо рядом с ним. Можно сказать, под носом. Все же чрезмерная любовь, бывает, застит глаза. А он все смотрел и не мог насмотреться. Буквально забывал на ней свои глаза. И руки. Касаясь ее, задыхался от счастья. Он носил жену на руках, словно куклу. А когда родились их сыновья, – близнецы Славик и Владик, стал носить и их. Я отчетливо помню Сергея, с висящими на нем, в любое время года, хохочущими, дерущимися или засыпающими, что-то рассказывающими или борющимися за внимание отца, двумя его мальчишками.

Я как-то спросила Марину, кивнув на играющих малышей:

– Трудно, наверное, с двумя сразу? Марина пожалала плечами, – Да нет, не очень, Сергей помогает.

Я, помню, что очередной раз искренне восхитилась Мариной. Эта женщина была на два года моложе, а создавалось ощущение, что у неё за плечами колоссальный жизненный опыт, который, однако, её ничуть не тяготит и не заботит. Я в растерянности смотрела на неё и мучительно хотела понять: *как?* Почему таких, как Марина выбирают лучшие мужчины? Почему она всегда знает, что надо делать? Откуда ей всегда известно, как лучше поступить? Каким образом, она всегда выбирает наиболее выгодную и оптимальную для себя позицию? А почему я всегда сомневаюсь? Откуда во мне, девочке из интеллигентной, благополучной семьи такое количество неуверенности, застенчивости и комплексов? Почему воспитанная на хороших и умных книгах, любящими и добрыми родителями, я из множества вариантов почти всегда избираю наихудший? А как ей удаётся? У меня было чувство, будто от меня когда-то утаили что-то важное и до сих пор сознательно продолжают скрывать. А может и не сознательно, но от этого не легче. Марина выглядела, как человек, планы которого своевременно, а иногда и с опережением, но неизменно, и с большим успехом воплощаются в жизнь. Она сидела передо мной: красивая, уверенная и энергичная. Готовая ко всему. Пожалуйста, если муж вернется раньше, – на плите горячий ужин. Мальчишки, кареглазые живчики, играют в своей комнате. А сама она, – по-домашнему нарядная, – красивый передничек, миниатюрный сарафанчик, ободок с розочками, не женщина – конфетка, – рассказывала мне в это время, как она рада, что у них есть дети.

– Сережа хоть немного переключился, – со смехом говорила она, одновременно демонстрируя с гордостью с десяток «закруток», – Лечо, аджика (ой, Сережка так любит её), томатный сок, – перечисляла довольная Марина с гордостью, – Это только, то, что сегодня закрутила. Я киваю головой, одобрительно цокаю и пытаюсь вернуться к теме:

– С кого переключился, с тебя? – Марина о чем-то задумывается, что явно не имеет отношения, ни к этому разговору, ни к её мужу, ни уж, тем более, ко мне. Мгновение она непонимающе смотрит и нехотя отвечает:

– Ну да, – протяжно говорит она, – Утомительно это, понимаешь, когда тебя любят, хотят и не могут оторваться 24 часа. Хорошо ещё, что у него работа такая, ответственная, а то... Взглянув на меня, Марина совсем другим голосом произнесла:

– Ты не подумай, Сережа замечательный и я очень люблю его, *но* долго я, наверное, все-таки не выдержала бы. Слушая её, я почему-то вспомнила довольно известное выражение «Все, что перед словом «но» – лошадиное дерьмо».

Марина поставила на стол хрустальную розетку, наполненную странной консистенцией зеленоватого цвета с довольно резким запахом. Я непонимающе посмотрела на неё. Марина загадочно улыбалась:

– Зеленый мёд! – торжественно объявила она. Сережка как-то привез с Новороссийска и мне так понравился этот вкус! Я прямо влюбилась... Мы сейчас только его и покупаем, – Да ты попробуй, не бойся! Вкус был странный, с горчинкой, но довольно приятный. Хотя таким уж выдающимся, как Марине, он мне не показался. Довольно специфический и вкус и запах, одним словом, на любителя. О чем я и сказала Марине. Она с сожалением посмотрела на меня и, вздохнув, заметила:

– Да ты что! Это же падевый мед с хвойных деревьев, он за границей, если хочешь знать, считается очень ценным и стоит значительно дороже, чем любой цветочный. Марина покачала головой, и снова посмотрела на меня, как на человека, у которого только что был шанс изменить жизнь к лучшему, но из-за своего персонального скудоумия, он упустил его навсегда.

Уходя от неё в тот вечер, я мельком заглянула в детскую: четырехлетние Славик и Владик, настойчиво и увлеченно прокладывали дорогу из кубиков.

– Уму непостижимо, – подумала я, – Не канючат, не орут, не путаются под ногами, – ничего из классического репертуара среднестатистического дитяти. Сидят и тихо играют, не пристают к матери с бесконечными «дай», «хочу», «купи», а с успехом довольствуются набором цветных кубиков, собственной комнатой со шведской стенкой и турником, да обществом друг друга. Я вздохнула, думая о моём «сокровище», ожидающим меня дома с надутыми губами, попрощалась с хозяйкой и ушла.

3

Марина сдержала данное самой себе обещание, помогать брату и сестре. Более того, она о нем никогда и не забывала. Поддерживала их, как только могла. Через год после неё, окончил школу брат Эдик. Марина, сама ещё только перешла на второй курс, настояла, чтобы он поступал в электротехнический колледж. Она уже тогда, каким-то шестым чувством, угадала грядущую востребованность в области программного обеспечения. А Эдику даже в голову не пришло спорить с ней. Если бы его спросили, а чего хочет он сам, парень бы всерьез растерялся. И скорее всего не смог бы ответить. Сестру он не просто обожал, он её боготворил. И вера эта была, как настоящая любовь: истинной, безусловной и всеобъемлющей. Так уж получилось, что главой семьи всегда была Марина. Она даже не помнит, с каких пор. Видимо, с тех самых, как начала себя осознавать. Мать её побаивалась и слушалась беспрекословно. Обосновавшись в городе, Марина жила в тридцати километрах и регулярно приезжала. Иногда она эффектно подкатывала к домику матери на красивых автомобилях заграничного производства. Пока невидимый за тонированными стеклами водитель скромно оставался в машине, прово-

дила рекогносцировку местности. Загружала в холодильник продукты. Проверяла дневники. Производила личный досмотр. Например, безнадежно увязнув расческой в Юлькиных кудрях, обращаясь к матери недовольно спрашивала:

– Ты когда ей мыла голову? А? – распутывая непослушные пряди у хныкающей сестренки, бросала она на мать негодующий взгляд. Та, испуганно выпрямившись у стены и заискивающе улыбаясь, оправдывалась:

– Да каждую неделю моем, скажи, Юль, – мать прерывисто вздыхала, – Просто волосы такие, как и у отца её, ты же помнишь Артура? Её старшая дочь, морщилась и резко обрывала:

– О, нет, давай обойдемся без твоих воспоминаний! Пожалуйста! Этого только не хватало! – и сразу без перехода, обращаясь к Юльке:

– А ты сама, дылдоха восьмилетняя, когда научишься ухаживать за собой!? Я сколько тебя учила? Ты же девочка, в конце концов!

Прехорошенькая, с оливковыми глазами и золотистой безупречной кожей Юлька, начала всхлипывать, закрыв лицо руками, которых не было видно из-за струящихся по ним длинных и густых, волнистых, угольно-черных прядей.

– Так, – подымалась с дивана Марина, – Слушайте обе, повторять больше не буду, или следите за волосами, – чуть помедлив, она добавляла, – И за остальным, впрочем, тоже, или подстригаем коротко в следующий же мой приезд, ясно? Юлька, зарыдав громче, кивала одновременно с матерью. Марина вздыхала, обнимала сестру, которая тут же оплетая её руками и ногами, наконец, затихала, и спрашивала:

– Мне ехать пора, где Эдик? Он исправил двойку по физике? Мать, незаметно втягивая голову в плечи, растерянно улыбалась. Марина, каменея лицом, тихо интересовалась:

– Да ты издеваешься, что ли? Ему поступать через два месяца! Там физика профилирующая дисциплина! Ай, – махала она рукой, – Да кому я объясняю! Скажешь Эдику, чтобы позвонил мне, обязательно. Марина, красивая, яркая и благоухающая впархивала в шикарный автомобиль и уезжала. Мать с Юлькой ещё долго стояли у окна и наблюдали, как искрит в послеполуденном солнце и медленно оседает за уносящейся к горизонту машиной, пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.